

Альбион Смолл

Эра социологии*

Аннотация. Если относительно момента зарождения социологии как науки нет определенности, то время ее институционализации как университетской дисциплины можно обозначить хронологически точно благодаря Альбиону Смоллу (1854-1926), создавшему первый в мире социологический факультет в Чикаго, в 1892 году (который он и возглавлял 30 лет). Этим, однако, заслуги Смолла в институционализации социологии не исчерпываются: он основал, в 1905 г., один из наиболее влиятельных и по сей день социологических журналов – «American Journal of Sociology», а с 1912 по 1913 гг. был президентом Американской социологической ассоциации, в создании которой он также сыграл не последнюю роль.

Как и многие американские социологи того времени Смолл получил весьма разностороннее образование (теологическое в своей основе) и продолжил его в Европе: в Лейпциге и Берлине он изучал историю, политэкономия и политику. В это же время он познакомился и с социологией, главным образом, благодаря общению с Георгом Зиммелем, переписку с которым он не прекращал и по возвращении в Америку.

Становление социологии как принципиально новой социальной дисциплины Смолл рассматривал не только как признак, но и как условие динамичного развития современного реформирующегося демократического общества.

Основные работы А.Смолла – «General Sociology» (1905), «Adam Smith and Modern Sociology» (1907), «The Meaning of the Social Sciences» (1910), «Between Eras: From Capitalism to Democracy» (1913) – свидетельствуют о его фундаментальном интересе не столько к глубинным теоретическим изысканиям относительно предмета и метода науки, сколько к осмыслению новой когнитивной перспективы, предлагаемой социологией для универсалистского описания и последующего преобразования социального мироустройства.

Этим же пафосом проникнута и публикуемая ниже статья А. Смолла.

Социология занимает важное место в умах наших современников**. Одобряй или оплакивай этот факт – его не обойдешь. Осмысление нескольких измерений данного факта послужит хорошим введением для нашего нового журнала.

I. В нашем веке существование связей и сотрудничества между людьми играет гораздо более заметную и влиятельную роль, чем в любой из предшествующих эпох. Современные люди по сравнению с прежними поколениями вынуждены куда острее сознавать, что во многих и всё усложняющихся отношениях их судьба зависит от других

* *Small A. The Era of Sociology // The American Journal of Sociology. Vol. 1., N. 1. July 1895. P. 1-15.*

© Ковалев А., 2008.

© Центр фундаментальной социологии, 2008.

** Имеются в виду люди конца XIX в. С соответствующей поправкой надо воспринимать в тексте и слова «современный», «наш век», «наше поколение» и т.п. — *Прим. перев.*

людей. К примеру, было бы удивительно, если там, где доля неквалифицированных рабочих в добывающих отраслях уменьшается, а доля занятых в промежуточных процессах производства и потребления, соответственно, увеличивается, такие изменения не сопровождались бы какими-то подвижками во взглядах на относительную важность природных и социальных элементов в человеческой жизни. По мере того, как отрасли промышленности диверсифицируются, как разделение труда и конкуренция становятся явлениями территориальными и интернациональными не меньше чем индивидуальными, как занятия всё более очевидно формируются под влиянием потребностей и действий пространственно далёких друг от друга лиц, как коммуникация между группами людей, хотя и разделённых географически, но связанных производственно становится всё более быстрой и точной, – ощущение зависимости от природных условий перестаёт быть преобладающим фактором в человеческих расчётах. Решающим становится ощущение зависимости от изобретательности и планов других людей или преимуществ, добываемых личными усилиями.

Владелец ранчо в штате Монтана, который благополучно перезимовал со своим стадом, но не может доставить его на рынок из-за того, что предприниматель в Иллинойсе не сумел наладить взаимопонимание с поставщиками угля, машинистами и столярами; рудокоп в Неваде, который обнаруживает связь между определёнными законодательными актами и падением цены на его серебро; мельник в Пенсильвании, вдруг открывший, что от голосования группы каких-то людей в Вашингтоне зависит увеличение или уменьшение его загрузки и заработков – все эти и прочие уроки учат не рассчитывать на постоянные факторы в человеческих отношениях, а смотреть на других участников жизненной игры исключительно как на противников за шахматной доской или как на соперничающие команды на футбольном или бейсбольном поле.

Благодаря таким урокам факт межчеловеческой связи и взаимозависимости стал близко знакомой и глубоко личной реальностью для массы людей задолго до того, как философы начали постигать его значение.

II. *Отличительной чертой ментальности нашего века является недисциплинированное социальное самосознание.* Люди более определённо и разнообразно, чем когда-либо прежде сознают присутствие друг друга. Но одновременно они хуже разбираются в запутанных взаимных влияниях. Иногда мы пытаемся внушить нашему поколению, будто все мы сотрудники, но в массовом сознании прочно утвердилось мнение, что люди – «помеха друг другу». Мы знаем о социальных контактах вполне достаточно, чтобы считать человека животным, которое больше всего вредит особям своего собственного биологического вида. Каковы бы ни были цели и поступки человека, их невозможно осуществить безболезненно, без того, чтобы избежать столкновений с упреждающими предрассудками, правами собственности или целями других людей.

Судьба, которая сражается за нас или против нас в жизненных баталиях, больше не кажется природной или сверхчеловеческой силой, это просто результат отдельного или коллективного человеческого волеизъявления. Независимо от достижений современной теории социальной связи, люди никогда не имели лучших доказательных жизненных свидетельств, что такая связь существует.

III. *Именно самоочевидность и неизбежность контактов между людьми породили амбициозные популярные философские учения, объясняющие смысл социальной связи.*

Социальное самосознание выражает себя или как руководящее предположение, или как контролирующая догма. Современные люди не просто сознают существование контактов с соотечественниками и иностранцами, с чиновниками и рядовыми согражданами, с получателями и плательщиками зарплаты, с капиталистами, землевладельцами и арендаторами, членами и не членами профсоюзов, работниками умственного и физического труда, трудящимися и преступниками, богатыми и бедными, ищущими работу и уваливающими от неё бездельниками. Эти люди всех рангов и состояний думают о таких

контактах, слышат разные аргументы за и против них, – то есть различные мнения и убеждения.

Ещё до изобретения книгопечатания некоторые индивиды размышляли о социетарных* отношениях вообще. В последней четверти XVIII века социальная философия вырвалась из школьных стен и в одной из европейских стран получила широкую народную поддержку, достаточную для свержения находившейся в упадке династии. Под конец XIX века неграмотные стали ничтожным меньшинством в странах, считающихся оплотом цивилизации, и всё население, которое умело читать (наряду с теми, кто не умел), продолжило непрерывную учёбу в школе популярной социологии. Если полагать, что «малознание» и поверхностное обучение – опасные явления, то угроза, исходящая из этих источников, ныне универсальна. Миллионы людей с фрагментарными, обрывочными представлениями о социетарных отношениях пытаются претворить эти скудные познания в социальные доктрины и практическую политику. Наши современники думают, что постоянные, неизменные факторы в условиях человеческой жизнедеятельности не существенны по сравнению с элементами, которые могут быть определены взаимным соглашением, договором. Популярны суждения на этот счёт отравлены теперь красивой полуправдой, будто общество есть то, что выбирают и делают по собственному выбору сами люди. Популярная социальная философия наших дней в её бесчисленных формах выражения изощряется в спекуляциях о переустройстве институтов общества без должной оценки объективных ограничений человеческого познания и деятельности.

IV. Популярная социальная философия находит сегодня соответствующее отражение в социальном тяготении или «движении» в направлении определённых симпатий и догадок, порождённых и взлелеянных спекулятивной рефлексией на тему современных социетарных условий человеческого существования. В таком движении выявляются некоторые из конечных (предельных) детерминирующих факторов судьбы человеческой, но всё-таки картина игры этих глубоких сил неустойчива и вводит в заблуждение, ибо в настоящее время они почти столь же загадочны для тех, кто доверяют этой картине, как и для тех, кто сомневается в ней. Это движение сочетает некоторые обнадеживающие элементы и догадки со всеми видами опасностей, о которых мы говорили выше. Недавно ему дал выразительную характеристику профессор Грэхем Тэйлор (Taylor), которую мы процитируем, хотя она и расходится с некоторыми из высказанных здесь мыслей.

«Только вдумчивая оценка того, что представляет собой современное социологическое движение, позволяет хотя бы догадываться, чего от него можно ждать Церкви. Если бы это были просто некоторые или все формы, в которых движение выражает себя в текущей литературе или повседневных трудах, заданный выше вопрос, возможно, допустил бы более короткий и более определённый ответ. Но всякий, будь то гражданский истец или критик, кто рассматривает это движение только как род литературы, или идеал немногих лидеров мысли и действия, или патентованные авторские излияния какой-нибудь школы теоретиков, или всего лишь метод общественной работы, или модную причуду, – тот абсолютно не способен понять его, если не готов всерьёз принять идею живого отношения между движением и Церковью на общей почве христианства.

Убеждение, что перед нами никак не меньше чем широкое социальное движение современности, лежит в основе дискуссии о нём, и само по себе предопределяет её выводы. Это просто-напросто направление, в котором сегодня движется жизнь и по которому с опозданием следуют «лидеры». Это направление, какое принимает течение дел человеческих и какое оно приняло бы, даже если бы не существовало считающейся эталонной социологической литературы, готовой отмечать вехи прогресса движения. Это

* По-видимому, в англоязычной литературе теперь принято другое написание: *societary* заменено на *societal* – «социетальный», что означает «взятый в масштабах общества в целом». – Прим. перев.

заново рождённое сознание множественности граней существования каждого другого человека и связи каждого со всеми как соратников друг для друга. Это сознание дано Богом, и настали времена, когда «никто не живёт один», хочет он того или не хочет. Это и движение обыкновенного ума понять сложные отношения человека к человеку в современном обществе и соединить науку с искусством жить и работать вместе. Это и движение сердца обыкновенного человека реализовать неумирающую надежду на социальную справедливость и человеческое братство. Это и движение общей воли найти какие-то средства, чтобы наладить расстроены взаимотношения индивидов и выбитых из колеи классов, порождённые самой революционной (кроме Евангелия) силой, которая когда-либо вторгалась в человеческую жизнь, а именно, современной индустриальной системой.

В теперешнем социологическом движении представлено всё это и даже больше, если рассматривать его в соотношении с Церковью. Наука социология в составе движения быстро накапливает данные и формулирует предметную область той ветви научного исследования, которая строго ограничивается изучением общества как целого, а в совокупности общественные науки закладывают основание для практического искусства совместной жизни и работы в конкретных условиях и классовых средах, порождаемых отдельными социальными структурами. Но хотя эти новые науки являются неотъемлемой частью самовыражения рассматриваемого движения и крайне важны для его продолжения, прогресса и силы, они и сегодня есть и всегда будут далеки от совпадения с ним или исчерпания его собою. Ибо это движение жизни пока превосходит самые удачные попытки его определений и почти сводит к абсурду их отождествления с ним. Это движение имеет наблюдателей, но не признаёт никаких авторитетов. Оно имеет своих истолкователей, но ни у одного направления мысли или действия нет таких слабых проявлений персонального лидерства. Здесь действует могучий «Zeitgeist», тот самый животворящий дух, к которому и правдиво и благоговейно применимо божественное описание Святого Духа: «Дух дышит, где хочет, и голос его слышишь, а не знаешь, откуда приходит и куда уходит» [Евангелие от Иоанна, 3,8]. В присутствии этого духа времени достойны уважения только религиозный дух и научная позиция»¹.*

Это своеобразное проявление духовного брожения нашего времени перекликается с двумя постулатами социальной философии, сегодня поддерживаемыми с разной силой и в разных формах небывало большим числом людей: 1) отношения человека к человеку не такие, какими они должны быть; 2) надо что-то делать безотлагательно и прямо, систематически и масштабно, дабы исправить кричащие несправедливости.

Указывая, что подобная популярная агитация за перекройку нашей социальной структуры и логически предвещающие её популярные философии общества не являются преимущественно академическими занятиями, что все вместе они гораздо шире сферы влияния учёных, мы привлекаем внимание к тем моментам текущей ситуации, которыми доселе интересовались очень немногие теоретики. Отношение популярной «народной» социологии к вот-вот ожидаемой научной социологии должно быть определено в умах учёных до возникновения ещё большей путаницы. Слишком много всего уже вложено или выдано в кредит профессиональным исследователям общества, чтобы пренебречь этой задачей.

Тот факт, что социология большей частью не является продуктом академических школ, ускользнул от внимания наблюдателей. Популярные попытки объяснить существующие формы общества и найти предпочтительные средства для успешного изменения социальных условий так же независимы от научных школ, как и от времён года. Некоторые учёные всё ещё придерживаются мнения, что социология не только пуста и бесформенна, но и навсегда останется такой, поскольку ничто в природе вещей не

* Дух времени (нем.). – Прим.перев.

¹ The Advance, June 20, 1895.

санкционирует её самостоятельного существования, и потому название её – это просто модный девиз, чтобы дать место новым теоретикам социальности. Эти критики почти ничего не знают о глубоких течениях сегодняшней популярной мысли. Только очень неопытный социолог может воображать, будто он и его сотрудники изобретают предмет новой науки. Они всего лишь силятся совершенствовать ответы на те назойливые вопросы о состоянии общества, которые ежечасно выдвигает обыкновенный человек. Они не создают с нуля, а просто представляют предметы любопытства обычной публики. Жизнь настолько реальнее для обыкновенных людей, чем для научных школ, что средства наблюдения и инструменты мысли начинают заботить этих людей не раньше, чем они вплотную займутся решением неотложных и более важных для их жизни вопросов по сравнению с проблемами, заботящими учёных. Оттого-то социальные философии, народные в истоках, пристрастные по содержанию, но мощные по политическому воздействию, входят в моду, прежде чем учёные успевают распознать условия задачи, которую эти доморощенные философии притязают объяснять и решать. Доктрины профессиональных социологов представляют собой попытки заменить критически пересмотренной, вторичной, мыслью скороспелые первичные умозаключения, наполняющие сочинения популярной социологии, в которых деловые люди разного рода вне всяких школ упражняются в изложении своих впечатлений о социальной жизни.

V. *Бегло обрисованные выше факты предъявляют повышенные требования к подлинной социальной философии. Являются ли люди здоровыми или истеричными, а, возможно, параноидальными в их общей позиции по отношению к реальным и вероятным социальным условиям? Обоснованы или нет постулаты нашей социальной «интроспекции»? Изучили ли мы по возможности всё, что известно о предпосылках существующих условий, о стандартах, по которым эти условия должны быть судимы, о характере и типе будущих условий жизни, создание которых можно считать рациональной целью, о средствах, имеющихся в распоряжении человека для построения иного социального порядка? Если специалисты не имеют монополии на такую и фундаментальную, и фактологичную, и достаточно объёмную социальную философию, удостоверенную всеми необходимыми на данный момент научными санкциями, то легион упражняющихся сегодня в роли учителя широкой публики будет вредить своим коллегам агрессивным и заразительным социологическим догматизмом. Подлинная наука действует в интересах всех людей, когда настаивает на необходимости соразмерных практическим задачам исследований и чёткой формулировки условий человеческого благосостояния до предложения каких-либо заслуживающих доверия широкоэшелонных программ повышения этого благосостояния. Институты, унаследованные нашим поколением, могут быть очень грубыми, и тем не менее они суть итоговый вклад в нашу жизнь всего запаса мудрости и добросердечия предыдущих веков в их неустанном противодействии невежеству и злу. Тот, кто хотел бы реорганизовать существующие институты, должен сперва понять их.*

В заключительной главе своей последней (на 1895 г.) книги Г. Спенсер пишет:

«Очень немногие ...прозревают сквозь непрестанные изменения...эволюцию Человечества, отвечающую требованиям его жизни. Но вместе с этой верой у всё большего числа людей возникает желание продвигать замеченное развитие дальше... И впредь наивысшей целью честолюбия такого доброжелателя станет получение своей доли участия...в формировании Человека с большой буквы. Жизненный опыт показывает, что иногда возможно возникновение страстной заинтересованности в преследовании совершенно неэгоистических целей; и с течением времени всё больше и больше начнёт расти число людей, чьей бескорыстной целью будет дальнейшая эволюция Человечества».

Это объясняет, почему постоянный рост человеческого благосостояния зависит не от латания мелочей, а от приобретений, обеспечиваемых развитием человека высшего типа, способного к высокому качеству сотрудничества. И мы настаиваем, что программа, наиболее пригодная для продвижения к такой цели, – это подавление буйства воображения и недопущение подмены порядка в научном исследовании.

VI. Многие способные учёные начинают признавать в указанных условиях призыв к уникальным формам служения обществу. Наши тезисы не подразумевают обесценивания гуманитарных наук прошлого. Отличные специалисты накопили в этом прошлом и продолжают накапливать больше знаний, чем мы научились использовать. Формируется своеобразный федеративный союз гуманитарных наук, благодаря которому продукты разделения труда в производстве знаний, востребованные обществом для своих целей, будут эффективно скомпонованы и использованы как средства повышения благосостояния людей. Как следствие, то, что доселе достигалось бессознательно и случайно, впредь будет делаться методически. Аналитическая и микроскопическая научная работа останется незавершенной и безуспешной без дополнительных усилий учёного-синтезатора, выстраивающего из мелких деталей объёмные, что-то объясняющие структуры. Условия человеческого сотрудничества столь сложны, что в наши дни более непростительно повышать теперешнюю обострённую чувствительность и возбудимость публики абстрактным теоретизированием о планах ускорения совершенствования человека, пока мы не свели все доступные и относящиеся к делу факты о прошлых и современных человеческих объединениях к обобщённому знанию, которое укажет и направление и средства их совершенствования.

Эту новую задачу научного знания начинают признавать во всех частях мира, где человеческая мысль не скована. Учёные повсюду выражают неудовлетворённость фрагментарностью знаний об обществе и заявляют о своих честолюбивых замыслах придать этим знаниям настоящую динамику. Недавнее описание Бенджамином Киддом состояния общественных наук в Англии прекрасно показывает то положение, которое всюду вызывает дидактический протест. Он пишет:

«Когда я приступил к своему труду "Социальная эволюция", меня поразило, как несомненно поражал и до меня многих серьёзных исследователей общественных явлений, необычайный контраст, какой представляют науки, изучающие человека, по сравнению с практическими и экспериментальными науками, на которые они опираются. Нет нужды разглагольствовать о силе и энергичном движении вторых и о новой жизни, которая началась для многих из этих наук с прогрессом знания за последние пятьдесят лет. Всё здесь идёт так, как и должно быть. И это главное в упомянутом кричащем контрасте. Вынужден признаться, что то впечатление контраста, с которым я некогда садился писать свою большую книгу, к настоящему моменту только выросло и углубилось. По-видимому, вдумчивый наблюдатель неизбежно придёт к выводу (сколько бы он ему ни сопротивлялся), что кроме кучки работников, держащихся более или менее обособленно от главного корпуса профессионалов, мы в Англии действительно не имеем сегодня ни одной школы мысли, воспитывающей людей, пригодных для занятий наукой о человеческом обществе как целом. С моей стороны было бы нескромным делать такие замечания, если бы под этим скрывалось хоть какое-то намерение пренебрежительно говорить о предлагаемом обучении и трудной работе, ревностно исполняемой даже при самых обескураживающих обстоятельствах во многих учреждениях обсуждаемой нами области знания. Моя цель другая. Сожалеть надо об изоляции этих работающих учреждений и их департаментов друг от друга и от наук, на которые они должны бы опираться. То единство жизни, повсеместно обнаруживаемое ныне через посредство наук низшего уровня, единство, которое заставляет их на каждом шагу пересекаться друг с другом и делает почти невозможным проведение между ними строгих разграничительных линий, – это единство нигде не найдено в более высоких ветвях знания. Работники во многих из них всё ещё пребывают в мире идей более ранней эпохи, который давно миновал в других областях. Плохо сознавая, как быстро движется мир, некоторые из этих людей, кажется, даже с вызовом, заявляют нам, что они ничего не знают и не хотят знать о происходящем в других науках.

Мы многие годы слышали и слышим теперь о науке истории, и много честных и эрудированных работников трудились, чтобы поднять историю на достойную её высоту. Тем не менее нет зрелища, способного вознать в более глубокую депрессию учёного,

привыкшего к точным методам и атмосфере поисков истины в непритязательных эмпирических науках, верящего под их сильным влиянием в верховную власть универсальных законов, чем тщетные усилия распутать беспорядочно перепутанные нити знания в сфере истории. В наших университетах и других учебных заведениях представители этой науки всё ещё обсуждают, может ли история вообще иметь какие-либо законы, и даже – должна ли она основываться на фактах или безбоязненно сочинять исторические романы. Возьмём с полки том любого исторического труда и попробуем найти там хоть какой-то научный намёк на естественные законы, поддерживающие и контролирующие величественный процесс жизни, которая так пышно расцвела в нашей западной цивилизации, или естественные законы, направляющие либо направившие развитие других социальных систем, современных или предшествовавших ей. По всей вероятности, такой поиск ничего не даст. Если и будет предпринята попытка обсудить проблему обобщённо, на языке причинно-следственных связей, она не будет убедительной из-за методов, сильно отличающихся от используемых наукой в других областях знания. Возьмём какой-нибудь представительный орган просвещённого общественного мнения, например, «The Spectator», и мы обнаружим в недавнем его номере историческую критику, обсуждающую с неумным удивлением несомненную связь между горсткой невежественных людей, взявшихся «очищать мир, о котором они ничего не знали, с помощью идей, которые этот мир презирал», и фактом, что эти люди тем не менее так изменили его, что и поныне результаты их мысли и деятельности «влияют на законы и деяния вожатых всего человечества». Мы найдём эту же критику равно поражённой «зрелищем полунагого аскета, сидящего под своим баньяном и выдающего смуглым слушателям, невежественным как бараны, гигиенические рекомендации, которые на сегодня формируют единственные правила антисептики в умах трети человечества». Не меньше изумляет таких критиков, что «припадочный погонщик верблюдов, месяцами скитавшийся по горам Аравии, оставил в наследство потомкам мысли, которые, дурные они или добрые, оказались столь могущественными, что объединили племена пустыни в несокрушимое братство, в нацию воинов, и бросили их в бой, и растоптали в прах высочайшие социальные организации тогдашнего мира». Но ни один удивляющийся журналист не найдёт объяснения. Для него всё это – часть «романа истории». Такова заключительная формула писака, движимого, однако, убеждением, что под поверхностью этих событий должен существовать какой-то закон. Но он не находит ничего лучшего, чем предложить нам работать по этой формуле в последнем десятилетии нашего научного XIX века.

Даже если беспристрастный наблюдатель обратится к той партии, к которой естественным образом тяготеют его симпатии, – партии, противящейся романному толкованию истории и в настоящее время посвятившей себя изнурительному изучению различных исторических периодов, – то в целом он тоже не найдёт для себя чего-то существенно более удовлетворительного. По-видимому, усилия этой партии направлены на то, чтобы основать школу классификаторов и мастеров составлять резюме из исторических материалов. Пределом целей этих историков, похоже, является публикация всех доступных из существующих материалов, дабы гарантировать подлинность источников нашего знания. Надо быть далёким от духа науки, чтобы бросить хоть слово упрёка в адрес столь полезной и необходимой работы. Но неправильно и притворяться, будто мы надеемся, что когда-нибудь сможем создать полноценную науку истории только в рамках этого умонастроения, или что остатки ещё не опубликованных манускриптов и расширение источников информации за счёт не использованных ранее, однако чем-то ценных, способны настолько укрепить фундамент исторического знания, что это позволит нам возвысить историю до подобающего ей достоинства полноправной науки.

Сегодня история ждёт не просто классификаторов и мастеров резюме, а работников, обученных методам компаративистики, которые добавят к существующему снаряжению историка инструментарий, необходимый ему для трактовки истории как последней, сложной, но упорядоченной фазы в общей эволюции жизни. Только от такого

работника можно ожидать, что в объяснениях наших человеческих и исторических проблем он использует тот обширный запас знаний, который уже теперь готовы предложить естественные науки в качестве опоры истории.

Любой непредвзятый наблюдатель, не приверженный слепо мнениям лишь одной из спорящих сторон, бросив беглый взгляд на другие общественные науки, придёт к выводу, что все они во многом пребывают в том же состоянии, как и история. Трудно вообразить более удивительную ситуацию, чем та, которую в наши дни показывает экономическая наука. Последние тридцать лет известна теория общественного развития, основанная на определённой экономической концепции и выдвинутая автором, работавшим вне всяких рангов и рядов официальных представителей этой науки. Я разумею воззрения Маркса на современное общество и его экономическую теорию прибавочной стоимости, на которой они основаны. Это учение до того очевидно одностороннее, диспропорциональное, истинное лишь частично, до того ясно показывающее на каждом шагу игнорирование автором образа и способа действий в человеческом обществе, игнорирование существования эволюционных сил, более могучих, чем любой фактор, который он принял в расчёт, – что навряд ли в будущей науке об обществе за таким учением закрепится выдающееся место. И однако, как ни странно, сегодня в любом университете едва ли найдётся профессор экономики, который не чувствовал бы прямого или косвенного влияния на свою работу марксовы обобщения. Влияние их растёт, несмотря на опровержения, постоянно выдвигаемые экономистами. Скажу больше, я склонен думать, что современный автор-социалист (Dr. Edward Aveling «The Student's Marx») не слишком переоценил истинное положение в мире Маркса-мыслителя, поставив одного его рядом с Дарвином во влиянии на мысль XIX столетия. В чём же секрет такого влияния марксовы обобщения, достойного большого учёного, несмотря на все его ошибки? Мне кажется, секрет в том, что ему удалось построить свою теорию общества на базе ясного и большей частью верного описания исторической и антропологической формы одного важного социального отношения, – описания, которое легко переносилось («проецировалось») на личные обстоятельства в истории жизни очень многих людей. В его трудах не учитывались особые, присущие человеческому обществу факторы, которые контролируют и регулируют упомянутое отношение. Но эффект достигнутого Марксом несовершенного понимания естественного закона, действующего в человеческом обществе в более широком смысле, чем привыкли понимать присяжные экономисты, так возвысил его над критиками, что как политическая и социальная сила его теория остаётся почти неуязвимой для тех, кто тщится справиться с нею, оставаясь внутри узкого круга чисто экономической аргументации. Было время, когда общество по необходимости обращалось за наставлениями к одним экономистам. В современном же состоянии нашего знания буквально нет ни одной науки об обществе в более широком понимании, чем у Маркса, – науки, у которой мир мог бы искать помощи и руководства в проблемах, с какими он бьётся в своего рода агонии, задающей тон всей литературе переживаемого нами периода.

Если от истории и экономики перейти к профессиональной философии, то и там найдёшь лишь повторение того же урока. Кроме создателя системы синтетической философии Герберта Спенсера – колоссального здания, медленно и болезненно (и ко вреду для него) выстраиваемого автором в отдалении и почти независимо от профессиональных школ, – философы Англии живут в старом мире мысли, на который слабо повлиял приток знаний, принесённых прогрессом частных наук. По большей части эти философы даже не знают, что делается вне их мирка. И в наше время, когда ощущение единства и непрерывности действия естественного закона во всём царстве жизни стало отправным пунктом во всякой настоящей научной работе, нет феномена более поразительного, чем люди с известным авторитетом в своих разделах знания, берущиеся обсуждать проблемы человеческого существования и определять конечные принципы человеческой природы без реального снаряжения для решения такой задачи, располагая крайне скудными сведениями о тех науках, которые подводят к предмету их рассуждений, и толком не сознавая огромное

и даже революционное значение вкладов, сделанных этими науками в интересующий их предмет на протяжении жизни нынешнего поколения. Даже в наименее плодотворный для науки период в прошлом такая позиция была бы истинным бедствием. Ибо в истории философии нет урока более ясного и выразительного чем тот, о котором не скажешь лучше профессора Хаксли: «Мыслители, внесшие наиболее важные позитивные вклады в философию, такие как Декарт, Спиноза и Кант, не говоря уж о более поздних примерах, были глубоко проникнуты и вдохновлены духом естествознания, а в некоторых случаях (как Декарт и Кант) были знакомы с ним в специальных деталях. Поистине лаборатория естествоиспытателя есть преддверие храма философии, и тот, кто не сделал в ней пожертвований и не претерпел очищения, имеет мало шансов быть допущенным в святилище философии». И если это было верно в прошлом тех наук, на которые опирается философия, то насколько же более убедительно звучит это в наши дни, когда такие науки стали источниками знания, преобразовавшего и перестроившего самые основы человеческой мысли!»².

VII. Если мы не обманываемся, учёные в Соединённых Штатах тоньше и проницательнее коллег в остальном мире разбираются в вопросах подчинения всякого специального знания более широким комплексам отношений. Нигде в мире не найдёшь представителей специальных наук, меньше американских специалистов ограниченных содержанием только своего конкретного материала. Нигде учёные так не озабочены обобщением своих специальных знаний и координацией их со знаниями о других областях или фазах действительности. Эта черта американского гения делает выделение социологии в качестве самостоятельной, отличающейся от других сфер мысли одновременно и осуществимой, и трудной задачей. В каждой из общественных наук есть американские учёные, выступающие в роли успешных и вдохновляющих других лидеров, как в специальных исследованиях, так и в конструктивных комбинациях собственных результатов с чужими. Эти люди разрабатывали и продолжают разрабатывать метод социологии, хотя они могут пока предпочтительно именовать свою работу по-другому.

Разумно управляемые специализированные американские журналы по отдельным общественным наукам почти в каждом номере публикуют важные статьи на темы, которые выводят обсуждение далеко за пределы конкретной науки, номинальной специальности журнала. Не вторгаясь в область компетенции этих журналов, наш новоиспечённый *The American Journal of Sociology* будет посредником для обмена идеями между разными специалистами, создающими упорядоченную целостную панораму взаимосвязанных видов человеческой деятельности. В этом журнале американские учёные и представители европейской социологии попытаются, опираясь на новооткрытые принципы социетарных отношений, изложить свои лучшие мысли в такой форме, чтобы эти принципы могли помочь всем думающим людям выработать по возможности самый широкий взгляд на их права и обязанности как граждан.

Следовательно, журнал в первую очередь будет исполнять техническую задачу, организуя разнородные знания об отношениях людей в обществе в науку «социологию», которая соберёт воедино лучшие достижения американских учёных. Сверх того, журнал попытается постоянно переводить положения социологии на язык текущей обыденной жизни, так что его содержание не будет сводиться к объяснению и классификации ископаемых фактов. Как покажет содержание уже этого первого номера, мы не собираемся набивать наш журнал абстрактными формулировками принципов, необходимых для научного или даже технического, вспомогательного мышления. Напротив, по нашему мнению, целью науки должен быть ясный общедоступный показ значения знакомых явлений, а не конструирование царства понятий для себя, в котором, если и допускаются всем знакомые вещи, то они затемняются непроницаемой завесой искусственных выражений. Если социология хочет иметь какое-то влияние среди практиков, она должна

² *Nineteenth Century*, February 1895.

научиться излагать свои знания, потенциально интересные обычным людям, в форме, которую люди дела сочтут истиной, приложимой к жизни. Эта форма часто будет той, в какой не теоретики, но сами люди дела воспринимают интересующие их факты. И эти люди наиболее авторитетны для социологии. Ни один предмет, свойственный трудам и занятиям человека, нельзя считать недостойным внимания социологии, если она может обработать этот предмет так, что его отношения к другим рассматриваемым элементам деятельности и занятиям становятся яснее.

Хотя ответственными редакторами нашего журнала будут штатные социологи Чикагского университета, его авторами предполагаются и неуниверситетские люди, черпающие материалы для обобщений социальной философии из самых разных источников. Содержание номеров будет варьировать от методологических дискуссий до обсуждения планов совершенствования общества и описаний мелких социальных групп или особенно важных социальных условий, процессов и функций. Наш журнал предполагает быть «органом» редакции не больше, чем любых других ответственных социологов, которые пожелают высказаться на его страницах. Платформой журнала послужит просто-напросто убеждение в возможности настолько увеличить наши теперешние знания об общественной пользе и общедоступных удобствах, что на этой базе могут быть разработаны гораздо более эффективные комбинации мер для подъёма общего благосостояния, чем люди сумели организовать доселе. Соответственно, в этом деле мы готовы принять помощь от любого, кто может поспособствовать в определении достижимых целей или в открытии средств более рациональной организации соединённых усилий.

При рассмотрении конкретных предложений по улучшению социальных условий мы намерены оценивать эти предложения в их отношении не к ближайшим целям, а к наиболее отдалённым из прогнозируемых результатов. Такие предложения будут оцениваться не по их значению в качестве паллиативных мер, не по ссылкам (в качестве высшего и окончательного аргумента) на удовлетворение потребностей лиц, кого эти меры затронут, но по характеру изменений в типе или тенденциях движения общества, кажущихся вероятными в случае реализации предложенных мер.

Многим потенциальным читателям наиболее важным вопросом ведения журнала покажется его позиция по отношению к «христианской социологии». В нескольких словах ответ на это таков: наше отношение к христианской социологии искренне уважительное, к декларативным «христианским социологам» – подозрительное.

На только что описанной платформе редакторы попытаются сделать новый «Американский журнал социологии» фактором ограничения влияний незрелого общественного мнения, средством развития объективной и справедливой социальной философии и элементом поддержки каждого разумного усилия ко благу людей.

Перевод с английского А.Д.Ковалёва